Память Вавилона

Автор:
Кристель Дабо

Память Вавилона

Кристель Дабо

Сквозь зеркала #3

Офелия вернулась на Аниму, родной ковчег, и уже два с половиной года живет будто в зимней спячке: она участвует в Празднике Часов, бывает в здании Старых Архивов, отбивается от бесконечных советов родни… Но мысли ее далеко отсюда – не проходит и минуты, чтобы она не думала об исчезновении Торна. Однажды, в разгар ярмарки, героиня встречает непоседливого Арчибальда – тот научился использовать Розу Ветров, чтобы перемещаться с ковчега на ковчег. Вот он – шанс Офелии отыскать пропавшего мужа!

В новой книге Кристель Дабо мир, с которым читатели познакомились в первых двух томах, становится еще более объемным и многогранным. Герои больше не замкнуты между Анимой и Полюсом – перед ними открыты дороги в любой из двадцати ковчегов. И лишь к двадцать первому, Аркантерре, путь никому не известен. Но прежде, чем разгадать эту загадку и отправиться в самые темные уголки Вселенной, Офелии предстоит побывать на Вавилоне. Туда, именно туда манят ее внутреннее чутье – и любовь.

Третья часть тетралогии «Сквозь зеркала» выводит мастерство французской писательницы на новый уровень: и герои, и устройство придуманного ею мира усложняются, а сюжет поначалу степенно, а затем все стремительнее развивается, подобно туго сжатой пружине. Офелия обретает новое волшебное свойство: к прохождению сквозь зеркала и чтению предметов добавляется безошибочное распознавание враждебных намерений и отпугивание агрессоров.

Серия «Сквозь зеркала» Кристель Дабо (родилась в 1980 году) – это целая альтернативная реальность, изысканная и богатая деталями, отсылающими то к японской анимации, то к классике французской литературы. Российский перевод

книг (переводчики: Ирина Волевич, Юлия Рац и Елена Морозова) выходит одновременно с переводами в других странах: в 2018 году к этой удивительной вселенной приобщаются читатели в Италии, Венгрии, США, а мировой тираж давно перевалил за 500 тысяч экземпляров.

Кристель Дабо

Сквозь зеркала: Книга 3. Память Вавилона

Однажды, через какое-то время,

возникнет мир,

в котором наконец-то воцарится мир.

И тогда

появятся новые мужчины

и появятся новые женщины.

И наступит эра чудес.

CHRISTELLE DABOS

LA PASSEMIROIR

LIVRE 3.

LA MEMOIRE DE BABEL

Illustration sur la couverture Laurent Gappaillard

Gallimard Jeunesse

© Gallimard Jeunesse, 2015

© Christelle Dabos, текст, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018

Перевод с французского

Ирины Волевич и Елены Морозовой

Иллюстрация на обложке

Лорана Гапайара

Краткое содержание второй книги «Тайны Полюса»

Офелия по недоразумению была назначена вице-рассказчицей при дворе Фарука, Духа Полюса. Там, под золотым покровом иллюзий, она увидела без прикрас закулисную жизнь Небограда и его развращенных обитателей. Тревожные события – исчезновение некоторых знатных особ, гостивших в замке Лунный Свет, – заставляют девушку начать расследование (на сей раз в качестве

чтицы). Она ищет загадочного шантажиста, который действует якобы от имени Бога. Фарук надеется, что Офелия сможет раскрыть тайну его Книги – зашифрованного манускрипта, последнего воспоминания о забытом детстве; такой Книгой владеет Дух каждого ковчега. От того, сможет ли Офелия прочесть Книгу, зависит жизнь Торна, приговоренного к смертной казни.

То, что Офелия обнаруживает в процессе своего расследования, далеко превосходит все ее предположения. Бог действительно существует. Именно Он создал Духов Семей, Он – прародитель всех их потомков, хозяин их судеб и… цензор коллективной памяти людей!

А главное, Он умеет перенимать облик и свойства тех, кого встречает на своем пути. Офелия и Торн узнаю?т это, на свою беду, когда Бог посещает их в тюрьме. Он предсказывает им, что худшее впереди: Другой еще более страшен, чем он сам… И этого Другого Офелия, сама того не зная, освободила, впервые попытавшись пройти сквозь зеркало.

Во время церемонии заключения брака, состоявшейся в тюремной камере, Торн получает от Офелии свойство проходить сквозь зеркала, и оно позволяет ему бежать.

Офелию возвращают на Аниму. Она стремится разрешить множество загадок, с которыми ей пришлось столкнуться на Полюсе. Кто он, этот Другой? Не он ли виновен в Расколе земного шара? Почему он намеревается вызвать разрушение ковчегов? И впрямь ли именно ей судьба назначила привести Бога к Другому?

Но один вопрос мучит ее сильнее всего.

Где Торн?

Праздник

Часы надвигались на Офелию с угрожающей скоростью – огромные напольные часы на колесиках, с маятником, который громогласно отбивал секунды. Девушке редко доводилось встречать такие внушительные часы, но сейчас они

упорно рвались именно к ней.

– Вы уж простите их, дорогая кузина! – воскликнула молоденькая хозяйка этой громадины, изо всех сил натягивая поводок. – Дома они ведут себя гораздо приличнее. Просто мама нечасто с ними гуляет, вот им и хочется общения. Можно мне одну вафлю?

Офелия опасливо покосилась на часы: их колесики нетерпеливо поскрипывали, силясь продвинуться вперед по плиточному полу.

– Полить кленовым сиропом? – спросила она, выкладывая вафлю на поднос.

– Нет-нет, спасибо, кузина. Веселых часов!

– Веселых часов! – довольно уныло ответила Офелия, глядя вслед громоздким часам и их владелице, замешавшимся в толпе. Девушку поставили за прилавок вафельного киоска, в самой гуще Ярмарки ремесел, устроенной по случаю Праздника часов. Мимо киоска непрерывно дефилировали самые разнообразные часы: напольные, стенные с кукушкой, будильники и все прочие. Их неумолчное тиканье и возгласы «Веселых часов!» отдавались гулким эхом в павильоне с широкими окнами. Казалось, часовые стрелки вращаются с одной-единственной целью: напомнить Офелии то, что она отчаянно не хотела вспоминать.

– Два года семь месяцев!

Офелия взглянула на тетушку Розелину, которая бросила эти слова одновременно с дымящимися вафлями на блюдо. Тикающие часы вызывали у старушки такие же черные мысли, как у ее племянницы.

– Думаешь, мадам соблаговолит когда-нибудь ответить на наши письма? – прошипела тетушка Розелина, орудуя лопаткой для вафель. – И не мечтай: у мадам наверняка есть занятия поинтереснее.

– Вы к ней несправедливы, – возразила Офелия. – Я уверена, что Беренильда пыталась с нами связаться.

Тетушка Розелина отложила лопатку и вытерла руки кухонным передником.

– Конечно, я несправедлива. После всей этой катавасии на Полюсе я ничуть не удивилась бы, узнав, что Настоятельницы перехватывают нашу корреспонденцию. Впрочем, мне не следует сетовать на судьбу в твоем присутствии. Последние два года семь месяцев молчания были для тебя еще тягостней, чем для меня.

Офелии очень не хотелось затрагивать эту тему. От одной только мысли о Полюсе ей начинало казаться, будто она проглотила пару часовых стрелок. И она поспешила обслужить очередного клиента – ювелира, обвешанного самыми красивыми своими часами.

– Ну и ну! – воскликнул тот, когда все они начали взволнованно щелкать крышками. – А где же ваши прекрасные манеры, милые мои?! Уж не хотите ли вы, чтобы я вернул вас в мастерскую?

– Не браните их, – попросила Офелия, – они нервничают из-за меня. Кленовый сироп?

– Нет-нет, благодарю, просто вафлю. Веселых часов!

Офелия поглядела вслед ювелиру и поставила на прилавок бутылку с сиропом, которую чуть не опрокинула на его часы.

– Зря Настоятельницы доверили мне праздничный киоск. Я еле-еле справляюсь с раздачей вафель, которые даже испечь не способна. И вдобавок уже полдюжины уронила на пол.

Патологическая неловкость Офелии давно стала общеизвестной. Никто из посетителей ярмарки не рискнул попросить ее полить вафли кленовым сиропом, оберегая свои драгоценные изделия.

– Как ни грустно, но в этом я, честно говоря, согласна с Настоятельницами. Ты ужасно выглядишь, и, мне думается, тебе как раз очень полезно чем-то занять руки.

И тетушка Розелина строго взглянула на племянницу, на ее осунувшееся лицо, тусклые очки и такую свалявшуюся косу, что ее не брал никакой гребень.

– Со мной все в порядке.

– Нет, не в порядке. Ты сидишь в четырех стенах, ешь как попало, спишь неизвестно когда. И даже в свой музей ни разу не заглянула, – горестно добавила тетушка Розелина, словно это было самое печальное из всего вышеперечисленного.

– Да нет, заглянула, – пробормотала Офелия.

И в самом деле: едва прилетев с Полюса и выйдя из дирижабля, девушка бросилась в музей; она даже не заехала домой, чтобы оставить чемодан. Ей не терпелось увидеть перемены своими глазами, и она их увидела: пустые витрины, лишенные коллекций оружия; пустую ротонду, откуда убрали военные самолеты; голые стены и ниши, некогда украшенные парадными штандартами и гербами. Офелия вышла из музея совершенно убитая, решив, что больше ноги ее там не будет.

– Это уже не музей, – пробормотала она сквозь зубы. – Рассказывать о прошлом, утаивая факты о войне, значит искажать историю.

– Но ведь ты еще и чтица! – упрекнула ее тетушка Розелина. – Ты же не собираешься сидеть сложа руки до тех пор, пока… пока… Короче, ты должна смотреть в будущее.

Офелия удержалась от возражений, хотя и могла признаться тетке, что ей совсем не интересно «смотреть в будущее» и что за последние месяцы она вовсе не сидела сложа руки, а вела расследование, не покидая постели и внимательно изучая географические карты. Она собиралась «смотреть» совсем в другую сторону, хотя знала, что это нереально, пока за ней бдительно следят Настоятельницы.

И пока за ней следит Бог.

– Ну зачем ты пришла на ярмарку с этими часами?! – внезапно воскликнула тетушка Розелина. – Смотри, они взбудоражили все остальные, какие здесь собрались.

И в самом деле, киоск с вафлями буквально осаждали часы самых разнообразных калибров. Офелия инстинктивно ощупала карман и махнула рукой, отгоняя их от прилавка.

– Анима есть Анима: здесь невозможно носить при себе разлаженные часы – остальные тут же начинают возмущаться.

– Ты должна показать их часовщику.

– Да я уже показывала. Они вовсе не сломаны, просто очень расстроены… Веселых часов, крестный!

Из толпы выбрался ее двоюродный дед в своем старом зимнем пальто; его пышные усы обвисли от талого снега.

– Ну да, ну да, веселых часов, тик-так и компания, – буркнул он, по-хозяйски пройдя за прилавок и выбрав себе горячую вафлю. – Все эти ярмарки просто курам на смех! Праздник серебряной посуды, Праздник музыкальных инструментов, Праздник сапог и Праздник шляп… Что ни год – в календаре новая красная дата! Скоро, наверно, учредят Праздник ночных горшков. В мое время с вещами так не носились… А мы потом еще удивляемся, что они своевольничают. Спрячь это, – внезапно шепнул он, сунув Офелии конверт.

– Вы нашли еще одну?

Офелия сунула конверт в карман передника, и ее сердце забилось в бешеном ритме, перегоняя секундные стрелки всех часов на ярмарке.

– Да, и притом не из худших, девочка. Найти-то я нашел, а вот скрыть это от Настоятельниц – совсем другое дело. Теперь они косятся на меня почти так же, как на тебя. И вообще, будь начеку, – проворчал старик, отряхивая снег с усов. – Я видел тут поблизости Докладчицу с ее чертовой птицей на макушке.

Тетушка Розелина, слушавшая их разговор, сурово поджала губы. Она, разумеется, была в курсе этих тайных махинаций и не одобряла их, боясь, что Офелия снова попадет в беду, однако частенько становилась ее сообщницей.

– У меня кончается тесто для вафель, – сухо сказала она. – Ну-ка сходи за ним, сделай милость.

Офелия не заставила себя просить и побежала в продуктовую кладовую. Там стоял лютый холод, но зато не было чужих глаз. Девушка успокоила шарф, нетерпеливо извивавшийся на вешалке, еще раз убедилась, что в помещении никого нет, и открыла конверт, принесенный крестным.

В нем лежала почтовая открытка.

Надпись гласила: «XXII Межсемейная выставка на Вавилоне»; судя по дате на почтовом штемпеле, открытку послали более шестидесяти лет назад. Вероятно, двоюродный дед, работавший архивариусом, использовал свои связи с коллегами, чтобы раздобыть такую древность. Прежде всего Офелию заинтересовала лицевая сторона – черно-белая, кое-где подцвеченная фотография: на ней виднелись киоски и стенды с экзотическими товарами, расположенные в галереях какого-то огромного павильона. Все это напоминало ярмарку Анимы, только в сто раз больше. Девушка поднесла открытку поближе к свету, чтобы как следует разглядеть. И наконец обнаружила то, что искала: у входа в гигантскую башню высилась почти неразличимая в уличном тумане безглавая статуя.

Впервые за долгое время очки Офелии порозовели от радостного волнения. Открытка крестного подтверждала все ее гипотезы.

– Офелия! – раздался голос тетушки Розелины. – Тебя зовет мать!

Услышав это, девушка поспешно сунула открытку в карман. Охватившее ее возбуждение мгновенно схлынуло, уступив место чувству опустошенности. Ожидание, бесконечное ожидание… оно разъедало ее тело и душу. Каждый новый день, каждая новая неделя, каждый новый месяц усугубляли эту страшную пустоту. Временами Офелия со страхом спрашивала себя, не сгинет ли она в ней целиком – окончательно и бесповоротно.

Вынув часы, она бережно подняла крышку, стараясь не повредить ее: бедный механизм уже и без того достаточно настрадался. Девушка нашла часы в вещах Торна как раз перед своей принудительной отправкой на Аниму, и с тех пор они не желали показывать время. Или, вернее, показывали слишком много времени

разом. Все три стрелки беспорядочно, без всякой видимой логики, вращались то в одну сторону, то в другую: четыре часа двадцать две минуты, семь тридцать восемь, час пятнадцать… и притом совершенно неслышно, никакого тиканья.

Два года семь месяцев молчания.

После бегства Торна Офелия не получила от него ни одной весточки – ни письма, ни телеграммы. Тщетно она убеждала себя, что он просто не может рисковать, боясь разоблачения, ведь его разыскивает полиция, а может, и сам Бог, – эта безнадежная пустота сжигала ее изнутри.

– Офелия!

– Иду.

Она взяла горшок с тестом для вафель и вышла из кладовой. Перед киоском стояла ее мать в пышном красном платье.

– Ну надо же, моя дочь наконец-то соизволила вылезти из постели! Давно пора: еще немного, и ты превратилась бы в прикроватную тумбочку. Веселых часов, дорогая! Ну-ка угости этих малышей!

И мать указала на длинную вереницу сопровождавших ее детей. Среди них Офелия увидела своего брата, сестер, племянников, двоюродных племянников и стенные часы из гостиной. С ее точки зрения, детишки не очень-то походили на малышей: даже Гектор, младший, за последние месяцы вытянулся так, что догнал старшую сестру. Глядя на них – рослых, ярко-рыжих, осыпанных веснушками, – девушка иногда спрашивала себя, впрямь ли она принадлежит к этой семье.

– Я обсудила твое положение с Агатой, – объявила мать Офелии, перегнувшись через прилавок. – Твоя сестра солидарна со мной: ты должна серьезно подумать над своей дальнейшей жизнью. Она посоветовалась с Шарлем, и они оба решили, что тебе нужно пойти работать к ним на фабрику. Посмотри, на кого ты похожа, дочь моя! Ты не должна обрекать себя на такое жалкое существование. Ведь ты еще молода! И ничто не привязывает тебя к… ну, ты сама знаешь… к нему.

Это последнее слово мать Офелии произнесла почти беззвучно. Никто из домашних теперь не говорил о Торне вслух, словно речь шла о чем-то постыдном. Да и о Полюсе тоже никто не упоминал. Случались дни, когда сама Офелия спрашивала себя: уж не померещилось ли ей все пережитое там, была ли она на самом деле лакеем, вице-рассказчицей и главной чтицей ковчега?

– Поблагодарите Агату и Шарля, мама, но я отказываюсь. Мне как-то трудно представить себя работницей на фабрике кружев.

– Я могу взять ее к себе в Архивы, – буркнул в усы двоюродный дед.

Мать Офелии презрительно поморщилась.

– Вы отрицательно влияете на нее, дядюшка. Прошлое, всегда прошлое, одно только прошлое! А моя дочь должна думать о будущем.

– Ну еще бы! – иронически бросил старик. – Ты хочешь, чтобы она стала такой же благонамеренной, как слюнявые романчики в вашей библиотеке, так, что ли? А еще лучше – загнать эту девчушку в какую-нибудь богом забытую дыру…

– Главное, чего я хочу, – это чтобы Настоятельницы и Артемида сменили гнев на милость и простили ее!

Офелия пришла в такое раздражение, что по ошибке протянула вафлю настенным часам.

Девушка долго убеждала всех и каждого, что Настоятельницы недостойны доверия, – ее не слушали. Она могла бы предостеречь людей еще и от многих других опасностей! А главное – от доверия Богу. Но этим она ни с кем не делилась: ни с родителями, осаждавшими ее вопросами, ни с тетушкой Розелиной, обеспокоенной ее молчанием, ни со старым крестным, который помогал ей в розысках. Вся семья знала только одно: в камере Торна (некоторые даже думали, что там содержался не он, а сама Офелия) произошло нечто важное. Однако никто не добился от нее ни единого слова о случившемся. Да и как об этом рассказывать, зная, на что способен Бог?!

Матушка Хильдегард покончила жизнь самоубийством – из-за Него.

Барон Мельхиор стал убийцей – ради Него.

Торн едва не погиб – по Его вине.

Даже сам факт существования Бога грозил опасностью тем, кто о Нем узнал. И Офелия поклялась себе как можно дольше хранить все в тайне.

– Я понимаю, что вы волнуетесь за меня, – объявила она наконец, – но речь идет о моей жизни. Я никому не обязана отчетом, даже Артемиде, и мне в высшей степени безразлично, что обо мне думают Настоятельницы.

– Ну и на здоровье, дорогая моя малютка!

Офелия съежилась, увидев даму средних лет, незаметно подошедшую к киоску. При ней не было никаких часов, ни карманных, ни настенных, зато ее голову украшала немыслимая шляпа с флюгером в виде журавля, который вращался с бешеной скоростью. Очки в золотой оправе увеличивали ее и без того выпученные глаза, подмечавшие все действия окружающих вообще и Офелии в частности.

Если Настоятельницы служили Богу, то Докладчица служила Настоятельницам как шпионка.

– У тебя весьма свободомыслящая дочь, милая Софи, – проворковала она, улыбаясь матери Офелии. – Она не желает вернуться на работу в музей? Что ж, давайте уважать ее выбор. Она не желает работать на кружевной фабрике? Не станем ее принуждать. Позволим ей самой выбрать свою судьбу… Может, ей лучше уйти в свободный полет?

Взгляд Докладчицы и клюв ее журавля дружно нацелились на Офелию. Девушке пришлось сделать над собой усилие, чтобы не сунуть руку в карман – проверить, не торчит ли из него краешек открытки крестного.

– Вы намекаете, что мне лучше покинуть Аниму? – недоверчиво спросила она.

– О, мы ни на что не намекаем! – торопливо возразила Докладчица, не дав заговорить матери Офелии, которая уже открыла рот для возражений. – Ты

теперь взрослая и вольна сама принимать решения.

Офелия прекрасно знала, что с той минуты, как она сядет в дирижабль, за ней будут следить не спуская глаз. Да, она хотела найти Торна, но так, чтобы не привести к нему за собой Бога. И теперь она более чем когда-либо жалела, что не может покинуть Аниму через зеркало: к сожалению, это ее свойство имело свои границы.

– Благодарю вас, – сказала она, кончив раздачу вафель детям. – Я полагаю, что мне лучше всего остаться у себя в комнате. Веселых часов, мадам!

Улыбка Докладчицы превратилась в обиженную гримасу.

– Наши дражайшие Матери оказали тебе великую честь – великую, ты понимаешь? – озаботившись судьбой твоей скромной особы. Так что перестань скрывать свои мысли и доверься им. Они могут оказать тебе помощь, притом гораздо б?льшую, чем ты думаешь.

– Веселых часов! – сухо повторила Офелия.

Внезапно Докладчица отшатнулась, словно ее ударило током, взглянула на Офелию – сперва с изумлением, потом с испугом – и поспешила отойти. Она присоединилась к процессии людей и часов, возглавляемой несколькими старыми дамами. Настоятельницы. Они сокрушенно покивали, выслушав Докладчицу, и устремили на Офелию ледяные взгляды.

– Что ты наделала?! – воскликнула мать. – Ты воспользовалась своим новым свойством! И против кого – против самой Докладчицы!

– Я не нарочно. Если бы Настоятельницы не вынудили меня вернуться на Аниму, Беренильда научила бы меня сдерживать когти, – пробормотала Офелия, раздраженно водя тряпкой по прилавку. Она никак не могла привыкнуть к своему новому свойству. Разумеется, девушка не причиняла людям боль сознательно, не отрез?ла носы или пальцы, но стоило ей почувствовать чье-то враждебное отношение, как в ней просыпалось нечто, наводящее страх на недругов. И, конечно, это было не лучшим способом улаживать разногласия.

– Ну хватит с меня! – прошипела ее мать. – Мне надоело смотреть, как ты валяешься на кровати или перечишь нашим дражайшим Матерям. Завтра же утром пойдешь на фабрику сестры, и кончено дело!

Созвав детей, она отошла от киоска. Офелия оперлась на прилавок и тяжело вздохнула. Пустота, которую она чувствовала внутри, разверзлась еще шире.

– Пускай твоя мамаша болтает что угодно, – буркнул ее старый крестный, – но ты всегда можешь прийти работать в мой архив.

– Или в мою реставрационную мастерскую, – бодро добавила тетушка Розелина. – Лично я не знаю более благородного занятия, чем избавление бумаги от плесени и жучков.

Офелия молчала. Она не желала работать ни на кружевной фабрике, ни в семейных архивах, ни в реставрационной мастерской. Больше всего на свете ей хотелось сбежать от бдительных Настоятельниц в загадочное место, изображенное на почтовой открытке.

В то место, где сейчас, возможно, находился Торн.

«Первый бельэтаж».

«Мужской туалет».

«Не забудьте свой шарф: вы отбываете».

Офелия выпрямилась так резко, что опрокинула на прилавок бутылку с сиропом. Она жадно оглядела сборище людей и разнокалиберных часов, отыскивая того, кто внушил ей эти три фразы. Но он уже исчез.

– Какая муха тебя укусила? – удивилась тетушка Розелина, увидев, что Офелия торопливо натягивает пальто прямо поверх передника.

– Я должна пойти в туалет.

– Тебе что, плохо?

– Мне еще никогда не было так хорошо, – с сияющей улыбкой ответила Офелия. – Арчибальд пришел за мной!

Прямой путь

На самом деле, пока Офелия, стараясь остаться незамеченной, шла по лестнице вместе с крестным, тетушкой Розелиной и своим шарфом, ее мучило недоумение: с какой стати Арчибальд явился именно сюда, в самый разгар празднества, и назначил ей встречу в мужском туалете? «Вы отбываете», – так она услышала. Но если он и впрямь собирался помочь ей сбежать, не лучше ли было встретиться где-то подальше от ярмарки, от толпы и от Настоятельниц?

– Вам следовало остаться в киоске и раздавать вафли, – шепнула Офелия. – Как только Настоятельницы заметят, что там никого нет, нас тут же начнут искать.

Она обращалась к тетушке Розелине, которая тащила с собой все, что успела собрать в предотъездной суматохе.

– Ты что, шутишь?! – возмутилась та. – Если есть хоть какой-то шанс вернуться на Полюс, я лечу с тобой!

– А как же ваша мастерская? Вспомните, что вы мне говорили о плесени и жучках.

– Да разве можно их сравнить с продажными придворными, этими злобными гадюками, которые угрожают Беренильде?! После нашего отъезда бедняжка осталась совсем одна! Конечно, она для меня гораздо важнее, чем лист бумаги.

У Офелии заколотилось сердце при виде Арчибальда. Он стоял в дальнем конце вестибюля и спокойно ждал, даже не думая ни от кого скрываться, хотя это было нелишним: Арчибальд даже в обличье бродяги, в старой заплатанной накидке и дырявом цилиндре набекрень, относился к тому разряду мужчин, которые в любом виде привлекают к себе взгляды, особенно женские.

– Надеюсь, это не ловушка? – буркнул старик, придержав Офелию за плечо. – Этому парню можно доверять?

Офелия предпочла промолчать. Она в какой-то мере доверяла Арчибальду, хотя и не считала его самым добродетельным человеком из всех своих знакомых.

– Ну, что я вам говорил, мадам Торн?! – воскликнул Арчибальд вместо приветствия. – Если вы не вернетесь на Полюс, Полюс вернется к вам.

Он открыл дверь туалетной комнаты и широким эффектным жестом пригласил их войти, словно там ждала роскошная карета.

В вестибюль ворвалась запыхавшаяся Докладчица с журавлем на шляпе, хищно нацелившим на них длинный клюв.

– Что здесь происходит? Кто этот человек?

– Скорей, скорей! – сказал Арчибальд, втолкнув Офелию в туалет.

Тетушка Розелина и старый архивариус вбежали за ней следом, то и дело поскальзываясь на плиточном полу и высматривая запасной выход, но видели вокруг только унитазы да писсуары. Офелия собралась спросить Арчибальда, каким путем они должны бежать, но ему было не до того: он пытался преградить путь Докладчице, которая успела сунуть ботинок в дверную щель.

– Дражайшие Матери! – пронзительно верещала дама. – Она собралась улизнуть! Сделайте что-нибудь!

Ее крики вызвали в туалете настоящий потоп. Унитазы, писсуары и раковины начали с ревом извергать фонтаны воды. Это Настоятельницы пустили в ход свои свойства. Их воле повиновались все общественные здания Анимы, в том числе и павильоны ярмарки.

– Мы не сможем здесь долго оставаться! – крикнула Офелия Арчибальду сквозь оглушительный шум воды. – Что вы намерены делать?

– Закрыть эту дверь, – ответил он все с той же веселой улыбкой, словно происходящее было всего лишь легкой заминкой.

– А потом?

– Потом вы будете свободны.

Офелия совсем растерялась. Она смотрела на руку, которую Докладчица просунула в дверную щель; зная Арчибальда, девушка понимала, что он никогда не повредит женским пальцам.

– А ну, посторонись, парень! – взревел старый архивариус. – Я сам займусь этой липучкой, а ты помоги девочке сбежать.

И он пулей вылетел в коридор, увлекая за собой Докладчицу.

Арчибальд захлопнул дверь, и в помещении воцарилась мертвая тишина. Неестественная, загадочная. Вода перестала изливаться из труб. Вопли Докладчицы стихли. Тикавшие ярмарочные часы умолкли. Офелия даже подумала: уж не остановил ли Арчибальд время? Миг спустя они вышли из туалета, но не увидели ни лестницы, ни старика-архивариуса, ни Докладчицы, ни ярмарки. Вместо этого перед ними оказался какой-то магазинчик – безлюдный, с пустыми полками. Едкий запах пыли указывал на то, что он давно заброшен.

– Осторожней при спуске! – предупредил Арчибальд.

И тут Офелия и тетушка Розелина заметили, что пол туалета слегка приподнят над полом магазинчика. Причина стала им понятна, когда они оглянулись: оказывается, они вышли… из шкафа.

– Как вам удался этот фокус?

– Я просто создал прямой путь, – ответил Арчибальд так спокойно, словно занимался подобными делами всю жизнь. – Только не думайте, что он постоянный, – это временная мера. А теперь убедитесь сами.

И он затворил, потом снова открыл дверцу шкафа. Вместо писсуаров женщины увидели полки со старинными безделушками. Просто непостижимо, как трое людей смогли среди них поместиться!

– Туалет вернулся на ярмарку! – с радостной улыбкой объявил Арчибальд. – Представляете, какое лицо будет у дамы с журавлем, когда она не найдет нас там?

Офелия встряхнула намокший шарф и, подойдя к окну, раздвинула шторы. Сквозь грязное стекло она с трудом разглядела улочку, забитую прохожими; люди, укутанные в теплую одежду, шагали по булыжной мостовой, занесенной легким снежком, глядя под ноги и стараясь не поскользнуться. А вдали, под тусклым небом, по воде канала, уже кое-где подернутой ледяной пленкой, медленно плыла баржа.

– О, знакомые места! – воскликнула за ее спиной тетушка Розелина. – Тут где-то недалеко Великие Озера.

Офелия почувствовала легкую досаду. Их бегство началось так удачно, что девушка на какое-то мгновение вообразила, будто она покинула Аниму.

– Но все-таки как вам удался такой фокус? – настойчиво переспросила она.

Девушка знала, что Арчибальд способен на многое – может проникать в мысли людей, завоевывать женские сердца, – но его сегодняшняя проделка превзошла все ее ожидания.

– О, это долгая история, – ответил он, роясь в дырявых карманах. – Представьте себе, во мне открылись новые свойства, родились новые амбиции и завелись новые любовные привязанности!

И он с торжествующей улыбкой извлек из кармана связку ключей. Офелия внимательно смотрела на него в полумраке магазинчика. В их последнюю встречу на причале для дирижаблей Арчибальд был похож на привидение. Но сегодня его глаза сияли как солнце, и этот взгляд не имел ничего общего с иронически-нагловатым прищуром, свойственным господину послу в прежние времена.

Однако девушка насторожилась. Может, человек, за которым она так доверчиво последовала, вовсе не Арчибальд? Она не встречала Бога со времени их стычки в камере Торна, но помнила, что Он способен принять любое обличье.

– А как вы узнали, где меня найти?

– Да я и не знал, – возразил Арчибальд. – Я провел два часа на жутко холодном катере и еще один – выспрашивая дорогу у прохожих на улицах вашего городишки. Когда я наконец разведал, где находится дом ваших родителей, вас там не оказалось. А я могу проложить прямой путь только между теми двумя пунктами, которые посетил лично, так что мне пришлось туго! Не угодно ли дамам следовать за мной? – заключил он, направившись в заднее помещение магазинчика.

Однако девушка не спешила идти за ним.

– Но зачем вы привели нас сюда?

– А Беренильда с вами? – перебила ее тетушка Розелина.

– А Торн? – не удержавшись, спросила Офелия.

– Погодите, не всё сразу! – со смехом воскликнул Арчибальд. – Я привел вас сюда, потому что сам прибыл именно сюда. Как я уже сказал, мои способности сжимать пространство весьма ограничены. Далее: наша дражайшая Беренильда не со мной, отнюдь. Она даже не знает, что я здесь… и разорвет меня на куски, если я в скором времени не вернусь на Полюс, – добавил он, взглянув на часы. – Что касается неуловимого господина Торна, то с момента его бегства мы не получали от него никаких известий.

Надежды, которые Офелия возлагала на Арчибальда, опали, как неудавшееся суфле. До этого у нее на какое-то мгновение мелькнула безумная мысль: чт?, если инициатор ее сегодняшнего похищения – сам Торн? Девушка придирчиво осмотрела заднее помещение магазина, куда их завел Арчибальд: оно выглядело таким же запущенным, как торговый зал.

– Так это сюда вы прибыли? Не понимаю…

Арчибальд опробовал несколько ключей из своей связки; наконец подобрал нужный, и они услышали звонкий щелчок.

– После вас, сударыни!

Вопреки всем страхам, Офелия увидела перед собой не склад, не подвал, а нарядную ротонду, просторную, как зал ожидания на вокзале. Сквозь витражные стекла высокого купола лился прозрачный, какой-то нереальный свет. Пол украшала мозаика в виде огромной восьмиконечной звезды; ее лучи указывали на восемь дверей в стенах. Великолепный зал, никакого сравнения с убогим магазинчиком за их спиной.

Надписи из серебряных букв над дверями повторяли один и тот же слоган:

Желаем счастливого пути!

– Роза Ветров! – прошептала Офелия. Судя по размерам, эта Роза была межсемейной, связывающей между собой все ковчеги. Девушке впервые предстояло воспользоваться подобной роскошью; какая жалость, что перед этим она промокла в туалете: каждый ее шаг сопровождался противным хлюпаньем, не очень совместимым с правилами хорошего тона.

– Я слышала, что на Аниме есть Роза Ветров, но мне как-то не верилось…

Хотя Офелия говорила довольно тихо, звук ее голоса отразился от мозаики и витражей громким эхом.

– Да, есть, но только одна, – уточнил Арчибальд, запирая за собой дверь. – И, как положено всякой Розе Ветров, достойной этого звания, ее местоположение держится в глубокой тайне. Хотя меня бы устроило, если бы она оказалась чуточку ближе к вашему дому.

В центре ротонды возвышалась стойка, на которой Офелия с удивлением увидела маленькую девочку. Лежа на животе, она что-то прилежно рисовала. И вела себя так тихо, что вполне могла остаться незамеченной.

– Итак, сударыни, перед вами мои новые возможности и новые амбициозные планы, – провозгласил Арчибальд, хозяйским жестом обведя всю ротонду. – Что же касается моих новых любовных привязанностей, то вот они! – Он стащил девочку со стойки и торжествующе поднял над головой, как военный трофей. – Малышка Виктория, позвольте представить вам вашу крестную и крестную вашей крестной!

Потрясенная тетушка Розелина выронила на пол все, что успела захватить: зонтик, муфту, шаль и лопатку для вафель.

– Великие Предки, да это же дочурка Беренильды! Ну точная копия, как две капли воды…

Офелия с волнением и легкой робостью посмотрела на девочку, которая разглядывала их большими светлыми глазами – глазами Беренильды. Правда, в остальном Виктория больше походила на отца: ее лицо отличалось той же мраморной бледностью, а волосы, неестественно длинные для ее возраста, были скорее белыми, чем белокурыми. Да и странная манера приоткрывать рот, не издавая при этом ни единого звука, также напоминала о тягостных паузах в речи самого Фарука.

– Она еще не умеет ни говорить, ни ходить, – предупредил их Арчибальд, встряхивая Викторию, точно куклу со сломанным механизмом. – Да и семейные свойства в ней пока не проявились. Но не стоит считать ее глупенькой, она уже понимает куда больше, чем все мои бывшие сестры вместе взятые.

Тетушка Розелина озабоченно нахмурилась, увидев безмятежную улыбку Арчибальда.

– Надеюсь, Беренильде хотя бы известно, что ее дочь находится здесь? – сердито спросила она. – Это же ребенок Духа Семьи! Вы что, нарываетесь на дипломатический скандал? Поистине, вы недостойны звания посла!

– А я уже не посол. Теперь этот пост занимает моя бывшая сестрица Пасьенция. Паутина изгнала меня из своих рядов после известного вам события. Так что не судите меня строго, мадам Розелина. Виктория – дочь матери, которая желала бы всю жизнь держать ее в колыбели, и отца, который даже не помнит ее имени. Поэтому моя роль как крестного заключается в том, чтобы разнообразить ее

жизнь… А вы, юная особа, не слушайте злопыхателей, которые называют вас отсталой! – воскликнул Арчибальд, нахлобучив свой дырявый цилиндр на голову девочки. – Слушайте только меня: я предсказываю, что вы свершите великие дела!

Офелия была взволнована до глубины души. Она с горечью подумала: «Если бы Настоятельницы не вмешались в мою судьбу, я могла бы остаться на Полюсе, быть для Виктории настоящей крестной, следить за тем, как она растет. Возможно, мне даже удалось бы отыскать Торна. А вместо этого я просидела почти три года в своей комнате, точно в тюрьме, хотя вокруг жизнь шла полным ходом».

– Как же действует ваша Роза Ветров и куда она может нас доставить? Желательно подальше, чтобы Настоятельницы не смогли найти…

Офелия так и не успела сказать «меня»: Арчибальд театральным жестом отдернул полог позади стойки. За ним обнаружился большой круглый мраморный стол, над которым склонились Гаэль и Ренар в шапках-ушанках. Они делали какие-то записи, глядя на стол сквозь бинокулярные очки. Толстый рыжий кот, в котором Офелия признала сильно выросшего котенка Балду, терся об их ноги, требуя внимания, но они оба настолько увлеклись работой, что забыли обо всем на свете.

По крайней мере, Офелии именно так и казалось, пока Ренар между двумя записями не подмигнул ей сквозь толстые стекла.

– Привет, хозяйка! Сейчас закончим расчеты и будем в вашем распоряжении. Нам нельзя прерываться на полпути, иначе придется опять разрабатывать маршрут с самого начала, а это сильно огорчит мою вторую хозяйку.

– А ну кончай со своими «хозяйками», – буркнула Гаэль, не отрывая глаз от стола. – Ты теперь синдикалист[1 - Синдикалист – член профсоюза, профсоюзный деятель. – Здесь и далее примеч. переводчика.], вот и разговаривай как синдикалист.

– Слушаюсь, хозяйка!

Чем дальше, тем больше Офелия недоумевала: уж не сон ли ей привиделся? Может, она просто задремала в своем киоске с вафлями?

– Дражайшие мои спутницы! – воскликнул Арчибальд. – Между мной и моими помощниками, кажется, нет полного согласия, но в целом мы составляем хорошую команду. Я разыскиваю Розы Ветров, они расшифровывают их маршруты. Семь дверей из тех восьми, что вы здесь видите, ведут к семи ковчегам, откуда есть свои пути к остальным. Все Розы Ветров выглядят одинаково: восемь дверей, стойка и стол с маршрутами. Вы даже не представляете, сколько перелетов нам пришлось совершить, только чтобы попасть с Полюса на Аниму; я уж не говорю про ошибки в расчетах.

Офелия подошла ближе, чтобы разглядеть стол: мрамор был сплошь испещрен цифрами, символами и линиями, соединявшими ковчеги. Вся эта карта представляла собой кошмарную головоломку. Ренар и Гаэль намечали тот или иной маршрут, измеряли его длину, записывали данные. Они не соприкасались руками, не переглядывались, но даже по тому, как они стояли рядом, Офелия все поняла. И стыдливо отвела глаза, словно стала нескромной свидетельницей их близости. Она стала гладить Балду, довольного тем, что его хоть кто-то приласкал, и с огорчением констатировала, что кот тоже изменился: вырос и стал совсем взрослым.

У девушки возникло тягостное чувство, будто она что-то упустила. Упустила что-то очень важное.

– А кто такие синдикалисты? – спросила она у Арчибальда.

Тот посадил Викторию на стойку, и девочка тотчас же снова принялась рисовать.

– О, это у нас новомодное течение: дополнительные отпуска, повышение заработной платы, сокращенный рабочий день – всё так, словно Матушка Хильдегард живее всех живых и вбивает подобные идеи в головы слуг. С тех пор как вы покинули Полюс, тамошние нравы сильно изменились.

– Да и сами вы тоже изменились, – заметила Офелия. – Можете вы мне объяснить, каким образом вам удается сжимать пространство и управлять Розами Ветров? Я думала, что на это способны только жители Аркантерры.

Арчибальд снял цилиндр с головки Виктории и покрутил его на пальце.

– Я уже рассказывал вам о моем прадедушке и его любовной интрижке со старухой Хильдегард. Помните?

Офелия изумленно взглянула на Арчибальда. Она даже не заметила, что перестала гладить кота и тот начал заигрывать с ее шарфом.

– Как?! Значит, вы и мадам Хильдегард… вы приходитесь ей…

– Вот именно, правнуком, – хихикнул Арчибальд. – О, это была скандальная история, но ее быстренько замяли. Я так и остался бы в неведении, если бы вдруг не начал создавать пути. Впервые это случилось в прошлом году: я с трудом проснулся в середине дня, после бурной ночи, о которой лучше умолчу, и отправился в свою ванную, а вместо этого вдруг очутился в дамской купальне на другом конце Небограда. Просто щелкнул пальцами – и мгновенно перенесся туда. Потом это странное явление повторилось, и я начал уже сознательно, все чаще, создавать такие перелеты из одного места в другое. Укажите мне любое замкнутое пространство, любую дверь, и я создам прямой путь из пункта А в пункт Б. Вот таким-то образом я однажды и обнаружил эту Розу Ветров. Она была скрыта в петле времени, и я… трудно даже объяснить… в общем, я почуял ее присутствие. Не спрашивайте меня, как это получается, но стоит мне повернуть ключ в замке какой-нибудь двери, находящейся рядом с Розой Ветров, как – хоп! – и я уже там! Притом любой ключ в замке любой двери. Старуха Хильдегард оставила мне в наследство довольно-таки замысловатое свойство, но я его обожаю!

Офелия, пытавшаяся расцепить кота и шарф, с трудом представляла себе, что стоявший перед ней человек был правнуком старой мадам Хильдегард.

– И вы никогда прежде не замечали в себе такого вполне очевидного свойства? – спросила неизменно прагматичная тетушка Розелина.

Арчибальд постучал пальцем по татуировке между бровями.

– Это свойство проснулось во мне после разрыва с кланом Паутины. А до тех пор тихо-мирно дремало в ожидании своего часа. Ну-с, а вы, мадам Торн? – внезапно спросил он. – Что хорошенького вы сотворили за эти три года?

Офелия открыла, но тут же и закрыла рот. Арчибальд научился сжимать пространство. Ренар стал синдикалистом. А она – как она использовала это время? Сидела в своей спальне, ожидая какого-то чуда. Нет, хуже того: сделала шаг назад, вернувшись в состояние одинокой девочки-подростка. Да притом еще ухитрилась прибавить в весе на несколько кило.

– Я… много читала, – ответила она наконец.

– Ладно, кончайте эту болтовню, – резко прервала их Гаэль. – У меня есть вопрос поважнее.

Она оторвалась наконец от стола с маршрутами и тряхнула головой, откидывая темные кудри, падавшие на лицо. Ее глаза – один черный, как ночь, другой голубой, как полуденное небо, – казались неестественно большими за бинокулярными линзами. Но, несмотря на разный цвет, в них обоих сверкнула одинаковая холодная ярость, когда Гаэль пристально взглянула на Офелию и спросила:

– Бог и вправду существует?

Выбор

Время словно затаило дыхание внутри Розы Ветров. Офелия, безуспешно пытавшаяся вырвать шарф из когтей Балды, обвела взглядом Гаэль, Ренара, Арчибальда и тетушку Розелину: похоже, все они ждали от нее ответов на самые насущные вопросы бытия.

– Перед тем как отправиться в путь, – сказал Арчибальд, присев бочком на стол с маршрутами, – вы должны ясно понять, чт? нас здесь объединило. Мы расследуем смерть Матушки Хильдегард. Вы, Офелия, если не считать Торна, – единственный оставшийся в живых свидетель ее последних мгновений. И вы же единственный человек, который знает, что реально скрывается за тайной писем с упоминанием Бога, к которой она была причастна.

Слово «Бог» отдалось в Розе Ветров гулким эхом, точно в старинном соборе. В тот же миг Офелия вспомнила барона Мельхиора, его смертоносный шантаж, Матушку Хильдегард, канувшую в глубину своего кармана, трупы в «Иллюзионе», перебитые пальцы Торна.

Да, она точно знала, в чем состоит загадка. Ей до сих пор все это являлось в ночных кошмарах.

– А кроме того, был еще и случай с Фаруком, – продолжал Арчибальд так беззаботно, словно речь шла о веселой шутке. – Весь двор стал свидетелем необъяснимого поведения монсеньора и того, как вы его усмирили. Вы одна! Несколькими словами!

«Книга – только начало твоей истории, Один. И только ты можешь дописать ее до конца!» Да, Офелия прекрасно помнила эти слова. Вот только не она их придумала: то были слова Бога, изреченные Им в давние, незапамятные времена.

– С тех пор Фарук сам на себя не похож, – заключил Арчибальд. – То есть он все такой же отрешенный и беспамятный, однако в том, что касается Семьи, проявляет… как бы поточнее выразиться… почти заинтересованность.

– Вообще-то мы собирались поговорить о Матушке, – нетерпеливо прервала его Гаэль.

Обогнув стол, она подошла вплотную к Офелии. И тут девушка заметила, что Гаэль нашила на свою шапку – правда, довольно неумело – оранжевый лоскуток в виде апельсина, эмблему Матушки Хильдегард.

– Слушай меня внимательно, девочка. Матушка знала, что дни ее сочтены. Знала, что существует нечто другое, не очень-то приглядное, но гораздо более могущественное, чем Духи Семей. Матушка пыталась обсудить это со мной, подготовить меня, но я, дура набитая, ее не слушала. Мне хотелось смирно сидеть в своей норке, чтоб меня не трогали. Я боялась, что иначе меня прикончат, как весь мой клан.

Наступило внезапное молчание – молчание, населенное призраками погибших Нигилистов. Прежде Офелия удивлялась тому, что Гаэль так резко говорила с

ней, но теперь поняла: ее гнев был направлен против себя самой.

– Ты лишила меня монокля, – буркнула Гаэль. – За такую потерю тебе следовало бы извиниться передо мной. А я за то же самое должна тебя благодарить: без монокля я уже не могла скрывать от других, кто я на самом деле. Мне понадобился именно такой пинок под зад, чтобы опомниться. Матушка заменила мне семью, и я не хочу быть неблагодарной. Так вот, ты должна сказать прямо сейчас, не увиливая: существует ли Бог, и если да, то из-за Него ли умерла Матушка?

– Да.

Ответ вызвал у всех бурную реакцию. Гаэль разразилась проклятиями, Ренар поднял на лоб очки, Арчибальд расхохотался, а тетушка Розелина оскорбленно поджала губы. Одна только Виктория продолжала невозмутимо чиркать карандашом по рисунку.

Офелия собралась с духом. Торн в последние минуты перед исчезновением советовал девушке ни с кем не обсуждать то, что ей стало известно, но теперь она не имела права молчать.

– Вы помните «Караван Карнавала»?

– Циркачей, что ли? – удивленно спросил Ренар. – Это где вы гуляли с вашим братишкой?

– Так вот, Бог путешествовал вместе с ними, выдавая себя за циркача.

Офелия кашлянула, пытаясь прочистить горло. Всякий раз при воспоминании о ночной сцене в камере Торна ей неизменно чудилось, что она наглоталась песка.

– Он нечто большее, чем просто циркач. Бог может точно воспроизводить облик, голос и семейные свойства всех, с кем встречается. Именно поэтому Он и хотел увидеть Матушку Хильдегард: Он жаждал перенять у нее власть над пространством. И по той же причине Матушка Хильдегард затаилась в укрытии, отгородившись лентой от всех остальных: она знала, что, если Бог посмеет нарушить эту границу, Он станет еще опаснее. Я скажу вам еще кое- что, –

продолжала девушка, снова откашлявшись. – Бог создал Духов Семей и потому считает себя прародителем всех нас. Он втайне навязывает людям свои законы через сообщников – мужчин и женщин, которых называет Попечителями. Да, и вот еще что, – поспешно добавила она с горькой усмешкой, – когти Торна оказались бессильны против Него.

Она сделала паузу в ожидании ответной реакции, но ничего не услышала – все остолбенели от страха; даже Арчибальд, только что возбужденно потиравший руки, замер на месте.

– Хочу вас предупредить, – продолжала Офелия, – что, поделившись с вами такой тайной, я уже подвергла вас опасности. Не знаю, каковы ваши дальнейшие планы, но будьте предельно осторожны. Попечители – глаза и уши Бога, они обитают на всех ковчегах. Но определить, кто служит Ему, а кто нет, невозможно. Говорю так лишь потому, что доверяю вам больше, чем кому бы то ни было.

Первой нарушила всеобщее оцепенение тетушка Розелина. Она энергичной походкой прошлась по залу, пытаясь успокоиться; ее каблуки так звонко стучали по мозаичному полу, что эхо шагов взлетало к самому куполу. Затем она потерла лоб и тяжко вздохнула:

– Как это на тебя похоже! Коли уж ты решила попасть в передрягу, то на полпути не остановишься.

Офелия стиснула зубы. Ее крестная даже не подозревала, насколько она права. Если Бог сказал правду, Он был не самым опасным в этом деле. Существовал Другой – некто безымянный, неопределимый, освобожденный ею из зеркального плена. Он расколол мир и теперь, если верить Богу, готовился продолжить свои жуткие деяния.

«Рано или поздно, хочешь ты этого или нет, но ты приведешь меня к нему».

Неужто между Офелией и Другим существовала реальная связь? Единственным сохранившимся воспоминанием, далеким и смутным, было ее отражение в зеркале детской в ту ночь, когда она впервые прошла сквозь него. Однако с тех пор, вопреки утверждениям Бога, не разрушился ни один ковчег. Разумеется, иногда от них отрывались и улетали в пустоту отдельные глыбы, но это вполне

могло быть следствием естественной эрозии. В общем, чем больше Офелия размышляла, тем больше убеждалась, что не стоит пугать окружающих невразумительными историями о Другом.

Внезапно, заметив выжидательную позу Арчибальда, девушка поняла, что он задал ей какой-то вопрос.

– Простите, что вы сказали?

– Что все это весьма сомнительно. С одной стороны, вы утверждаете, что Бог создал Духов Семей. С другой, уверяете, что Он же зарится на их семейные свойства. Что-то я совсем запутался.

– Да я и сама многого не понимаю, – призналась Офелия. – Почему, например, Бог некогда уверил Духов Семей, что они свободны в своем выборе, а затем превратил их в покорных марионеток? Значит, по какой-то причине Его планы изменились?

Арчибальд ограничился коротким кивком. Он сидел на столе с маршрутами, обхватив руками колени, в небрежной позе человека, который беззаботно болтает о приятных пустяках.

– А как выглядит лицо Бога, когда Он не выступает в человеческом облике?

– Я его не видела, – ответила Офелия. – Даже не знаю, есть ли оно у Него. Зато я знаю, что Он нигде не отражается. И что Он иногда допускает странные ляпсусы в речи, – осторожно добавила она, – правда, мне неизвестно, в какой мере это может служить надежным отличительным признаком.

Арчибальд спрыгнул со стола, многозначительно переглянулся с Ренаром и Гаэль и лишь потом обратился к Офелии:

– А вы не хотели бы поискать Аркантерру вместе с нами?

– Аркантерру?

– Это родной ковчег мадам Хильдегард.

– Я знаю, но при чем здесь Аркантерра?

– При том, что Матушка Хильдегард знала о существовании Бога, и есть основания полагать, что ее Семья – тоже. Видите ли, жители Аркантерры содержат Розы Ветров на каждом ковчеге и на протяжении многих веков наблюдают за тем, что происходит в мире. Но странная вещь: какое-то время назад все они покинули Розы Ветров. По крайней мере, мы пока нигде не обнаружили ни одного из них. – Арчибальд не глядя выдвинул ящик стола и извлек оттуда множество бумаг: открыток, марок, паспортов, дипломов – таким хозяйским жестом, словно те принадлежали ему. – И вот теперь мы решили искать их повсюду, вплоть до самой Аркантерры, если понадобится!

– И вы ждали меня именно для этого? – удивилась Офелия.

Арчибальд так энергично замотал головой, что его светлые волосы разлетелись во все стороны.

– Мы вообще вас не ждали. На самом деле мы их давно уже ищем. Вернее, в настоящий момент мы действуем на ощупь, наугад, вслепую. Именно так нам удалось отыскать путь к Аниме. Технические подробности я предоставляю другим.

И Арчибальд отдал поклон Гаэль, которая бесцеремонно оттолкнула его и стукнула кулаком по столу.

– Мы уже столько недель изучаем эти комбинации! Здесь целая куча проклятых путей, которые обслуживают двадцать главных ковчегов, восемьдесят мелких и уйму осколков, летающих вокруг них. Но ни один из них не ведет к Аркантерре! – рявкнула она, прожигая взглядом путаницу линий на столе. – Ее жители надежно хранят тайну этого маршрута. А долететь туда на дирижабле невозможно.

– Но разве вы сами не бывали много раз на Аркантерре? – удивленно спросила Офелия. – Я помню, однажды вы даже привезли оттуда апельсины.

– Это был прямой путь, который потом бесследно исчез, – пояснил Арчибальд вместо Гаэль. – Я умею открывать заблокированные пути, но не могу

воссоздавать те, что уничтожены.

Офелия долго смотрела на круглый стол, испещренный хаотически набросанными цифрами и спутанными линиями.

– Но зачем? – прошептала она наконец. – Зачем вы так упорно над этим трудитесь?

Улыбка Арчибальда стала шире, а голубые глаза заблестели еще ярче. Офелии никогда не приходилось видеть на его лице такой решимости.

– Ну как вы не понимаете?! Хильдегард была вздорной старухой, она то и дело навлекала на меня неприятности, но состояла под моим покровительством. И если в ее смерти повинен Бог, то Он должен лично ответить мне за свое злодеяние. Ну-с, а теперь мне пора вернуть эту юную особу ее матери, – вздохнув, продолжал он, поглаживая белые волосы Виктории, которая в конце концов заснула на стойке, так и не выпустив из руки карандаш. – Вы находитесь в Розе Ветров, мадам Торн, вам и выбирать свой путь! Хотите – оставайтесь на Аниме, в лоне семьи. Хотите – возвращайтесь на Полюс вместе со своей крестницей. Или вы предпочтете отправиться с нами на Аркантерру?

– Конечно, на Полюс! – не колеблясь воскликнула тетушка Розелина. – Мы вернемся к Беренильде, не правда ли?

Офелия закусила губу. Как было бы легко согласиться с теткой или с Арчибальдом. Или остаться здесь, рядом с тем, что ей близко и знакомо, хотя такое решение лишь усугубило бы ее внутреннюю опустошенность. Ее захлестнула буря эмоций – тех, от которых сжимается сердце путешественника, когда он садится в первый попавшийся поезд, не зная, куда приедет и сможет ли вернуться назад.

И девушка еще раз обвела взглядом мраморный стол с выгравированной Розой Ветров и линиями, ведущими к ковчегам.

Анима, ковчег Артемиды, властительницы предметов.

Полюс, ковчег Фарука, властителя духов.

Тотем, ковчег Венеры, властительницы животного мира.

Циклоп, ковчег Урана, властителя магнетизма.

Флора, ковчег Белизамы, властительницы растений.

Пломбор, ковчег Мидаса, властителя превращений.

Фарос, ковчег Гора, властителя обольщения.

Сереннисcима, ковчег Фамы, властительницы пророчеств.

Гелиополис, ковчег Люцифера, властителя молний.

Вавилон, ковчег близнецов Поллукса и Елены, властителей чувств.

Дезерт, ковчег Джинна, властителя термализма.

Тартар, ковчег Гайи, властительницы теллуризма.

Зефир, ковчег Олимпа, властителя ветров.

Титан, ковчег Инь, властительницы массы.

Корполис, ковчег Зевса, властителя метаморфозы.

Ситэ, ковчег Персефоны, властительницы температуры.

Селена, ковчег Морфея, властителя ониризма.

Весперал, ковчег Виракочи, властителя фантомов.

Аль-Андалузия, ковчег Ра, властителя эмпатии.

Звезда, нейтральный ковчег, центр Межсемейных институтов власти.

И, конечно, Аркантерра – ковчег Януса, властителя пространства, который отсутствовал на карте, ибо его местоположение было неизвестно.

Офелия два с лишним года изучала их – эти двадцать ковчегов и еще один, далекий и недоступный, – укрывшись в своей тесной спаленке. Изучала старательно, все подряд, но теперь ей казалось, что она так ничего и не разведала.

И девушка вынула из кармана открытку старого крестного. Фотография тоже пострадала в туалетном потопе, но на ней все-таки было отчетливо видно монументальное здание XXII Межсемейной выставки.

– Вот он, мой путь, – сказала она наконец, ко всеобщему изумлению. – Я должна отправиться на Вавилон. И притом одна.

Расставание

Прижав к груди шарф, Офелия глядела на дверь Розы Ветров. Едва Арчибальд, подмигнув на прощанье, закрыл ее за девушкой, как мерцающий свет в щелях дверного проема угас. Офелия нажала на ручку и осторожно приоткрыла створку: просторный круглый зал ротонды сменила какая-то убогая хижина. Путь назад был закрыт, и закрыт надежно.

«Я одна», – внезапно осознала Офелия, обводя широко раскрытыми глазами темное помещение. Одна в незнакомом месте, в тысячах километров от дома, с единственным путеводителем в виде почтовой открытки шестидесятилетней давности. Почти три года она мечтала об этой минуте, а теперь, когда поняла, что цель достигнута, у нее закружилась голова.

И все же девушка решительно переступила порог. Ей было страшно – что верно, то верно, – но она ни о чем не жалела.

Вот оно, место, куда ее доставила Роза Ветров. В белесом свете, сочившемся сквозь мутное стекло входной двери, смутно виднелись лопаты, грабли, заступы и глиняные горшки. Похоже, Офелия очутилась в садовой сторожке, неизвестно

кому принадлежавшей. Но в любом случае она не хотела бы встретиться с ее хозяином. Даже на Аниме, где все было общим, не полагалось являться куда-нибудь без приглашения.

Девушка бесшумно вышла за порог, но тут же остановилась как вкопанная: снаружи не было ничего. Одна только белизна, невероятная, неумолимая белизна, словно кто-то стер внешний мир огромной резинкой, оставив вместо него чистый лист бумаги.

Офелия с возрастающей тревогой смотрела во все стороны. Сторожка ни к чему не примыкала, просто торчала в пустоте, нелепая и заброшенная. От влажной удушливой жары девушка в своем пальто сразу взмокла, а ее очки запотели. Неужто Гаэль и Ренар ошиблись в расчетах? Или, может быть, Арчибальд, положившись на свой новый дар, промахнулся и послал ее не туда?

– Куда же это меня отправили? – прошептала Офелия.

– Ботанический сад Поллукса.

Девушка вздрогнула и обернулась. Голос – какой-то потусторонний, не похожий ни на один когда-либо ею слышанный, – прозвучал сзади, из глубины сторожки.

– Извините, – пролепетала Офелия, ища глазами говорившего. – Я заблудилась и не могу…

– Посетителям не рекомендуется посещать сад в период туманов. Всему свое время. Нынче дождь, а завтра вёдро[2 - Вёдро (прост.) – теплая, ясная, сухая погода в летний период.], – прервал ее тот же голос.

Наконец Офелия поняла, откуда он исходит. У стены стоял робот, такой маленький и неподвижный, что она не заметила его среди лопат и прочего инвентаря. Голос шел из его живота, усеянного мелкими дырочками; глаза, нос и рот отсутствовали, одежда тоже, если не считать фуражки, какие обычно носят начальники вокзалов, с вышитыми на тулье словами «Экскурсия с гидом».

Офелия видела такого же робота лишь однажды, он сопровождал знаменитого путешественника Лазаруса.

– Значит, всему свое время? – спросила она.

Робот не ответил. Офелия снова огляделась и наконец поняла, что окружавшая ее белизна – просто туман, правда, необыкновенно густой. Она слегка успокоилась. Раз это сад Поллукса, значит, она попала по назначению: Поллукс и его сестра Елена, Духи Семьи, управляли Вавилоном.

– А когда же наступит вёдро? – спросила она, повторив слово, произнесенное роботом.

– Ботанический сад Поллукса открыт ежедневно в летние дни, с рассвета до заката, – монотонно произнес робот, все так же навытяжку стоя у стены. – Всему свое время. Кто ждет, тот дождется.

Значит, на Вавилоне пока еще лето? Офелия подумала: «Видно, я невнимательно читала учебники географии». Она вернулась в сторожку, вынула открытку крестного и поднесла ее к голове робота, не очень-то понимая зачем, поскольку в этой голове не было ничего похожего на глаза.

– Мне нужно найти место, где состоялась Двадцать вторая Межсемейная выставка. Фотография слегка устарела, но, надеюсь, здание еще сохранилось. Вы можете мне указать, куда…

– Ботанический сад Поллукса, – тотчас откликнулся робот.

Офелия присела на перевернутую кадку и поймала свое отражение в стекле оранжерейной рамы, прислоненной к стене. Она увидела в нем потемневшие очки, длинную спутанную косу, взволнованный шарф, и ей вдруг стало ясно, с чего нужно начать: «Я слишком похожа на саму себя. Что, если меня кто-то узнает?!»

И она начала покусывать шов своей перчатки чтицы, размышляя над этой проблемой. Теоретически маловероятно, что Бог тоже прибыл сюда, сумев ее опередить. Она ведь избрала свой маршрут по таким мелким, вторичным признакам, как золотистая мимоза, статуя безглавого солдата и старая школа. Именно эти три образа, возникшие при чтении Книги Фарука, и привели ее на Вавилон.

Три образа, о которых Офелия рассказала только одному человеку – Торну.

Все ее поиски и выводы указывали на то, что история – великая история Духов Семей, их Книг, Бога и Раскола – началась тут, на Вавилоне. Возможно, Офелия смогла бы раскрыть эту тайну, последовав за Арчибальдом на Аркантерру, но вряд ли она отыскала бы там Торна. Если он пришел к тем же выводам, что и она, если ему удалось покинуть Полюс (а Офелия считала Торна способным и на то, и на другое), значит, он непременно должен оказаться на Вавилоне.

Тут она вдруг вспомнила, что у нее всего одна пара перчаток, и перестала их покусывать.

– Нет, все-таки я слишком похожа на саму себя, – повторила она, встряхивая очки, чтобы они потеряли окраску.

Теперь, когда Настоятельницы упустили ее, они срочно известят об этом Бога. А Он почти наверняка внедрил Попечителей на Вавилон, и те, конечно, получат точное описание ее внешности и приказ разыскать беглянку. Значит, нужно принять самые срочные меры, чтобы остаться незамеченной. Она не может избавиться от своей близорукости и маленького роста, но в остальном…

Порывшись в садовом инвентаре, Офелия без труда отыскала большие ножницы для стрижки живых изгородей и неловким, но решительным жестом отрезала косу, которая тяжело, как сноп, упала к ее ногам. Она взглянула на себя в стекло рамы, и ей показалось, что ее голова украсилась множеством вопросительных знаков: волосы, получив свободу, встали крутыми завитками. Девушка отращивала косу с самого детства, но, странное дело, ровно ничего не почувствовала, сунув ее в мешок с сорняками. Как будто эта коса была не украшением, а канатом, привязывавшим ее к прошлому.

Затем Офелия спрятала пальто под стопкой садовых фартуков: раз уж на Вавилоне стоит лето, оно ей не понадобится. Но, когда она стала развязывать шарф, тот оказал яростное сопротивление.

– Послушай, ты слишком бросаешься в глаза. Не глупи, я ведь не собираюсь тебя бросать. Ты останешься со мной, только в сумке.

И Офелия раскрыла сумку на ремешке, которую вручил ей Ренар при прощании. В ней лежали кое-какие вещи, собранные тетушкой Розелиной, печенье и пластиковая бутылка газированной воды, а также фальшивые документы, изготовленные для нее Арчибальдом в ротонде Розы Ветров, – там хватало бланков для любых подделок.

– Меня зовут Евлалия, – объявила себе Офелия, глядя в удостоверение личности. – Я анимистка в восьмом поколении, но саму Аниму никогда не посещала.

Все это звучало вполне правдоподобно, если не вдаваться в подробности. Девушка слышала от двоюродного деда, что несколько их кузенов и в самом деле жили на разных ковчегах, рассеянных в пространстве.

– Меня зовут Евлалия… – задумчиво повторила она.

Почему Евлалия? Когда Арчибальд предложил ей выбрать себе новое имя, она не колеблясь назвала себя именно так. Однако теперь, по здравом размышлении, девушка сочла этот выбор неудачным. Новое имя слишком уж походило на ее собственное.

Офелия устроилась поудобнее между двумя мешками с удобрениями. «А Торн? – подумала она, закрыв глаза. – Удалось ли ему вернуть себе подлинное имя после бегства? Живет ли он в достойных условиях? И ест ли досыта? У него такой скверный аппетит…»

Девушка вздрогнула, когда ей в лицо ударил яркий свет. Оказывается, она незаметно для себя задремала. Прикрыв глаза ладонью, она увидела в щелку между пальцами выходившего из сторожки робота. В открытую дверь ворвалось ослепительное солнечное сияние. Офелия подняла с пола сумку и вышла наружу. Едва она ступила за порог, как у нее перехватило дыхание от чудовищной жары. Туман давно разошелся, и за его растаявшей завесой открылась настоящая фантасмагория ярких красок, зелени и фонтанов, фруктов, птиц и насекомых.

Какой бы ошеломляющей ни была буйная красота ботанического сада, Офелия недолго ею тешилась: от экзотических ароматов она неудержимо расчихалась, и этот приступ длился все время, пока она шла за роботом через заросли

папоротников. Даже расставшись с пальто, она изнемогала в знойной, влажной атмосфере; взмокшее от пота платье липло к телу. Где она, серая зимняя непогода далекой Анимы?!

– Как мне выйти из сада? – спросила она робота-гида.

– Групповая экскурсия по ботаническому саду начинается в дендрарии! – объявил тот, не оборачиваясь. – Просьба держаться вместе!

Офелия решила сбежать от него. Пока она искала выход, ей встретились и другие роботы: одни подстригали живые изгороди, другие очищали от мха дорожки, мощенные плиткой. На все вопросы девушки они отвечали афоризмами типа «Отправляясь в дальний путь, снарядиться не забудь!» или «Все пути ведут в Вавилон», что не очень-то помогало ей найти дорогу. Куда же подевались настоящие жители Вавилона? Не все же они роботы?!

Офелия поднялась по каменной лестнице, обрамленной пышными ветвями бугенвиллей. Сверху она смогла оценить гигантские размеры сада – великолепной симфонии деревьев, цветов и плодов. Лишь внизу последние клочья тумана еще цеплялись за стволы пальм.

Но Офелию озадачило отсутствие мимозы – а ведь прошлое Бога так или иначе было связано с этим растением. Девушка никогда в жизни не видела мимозу, но в учебнике географии говорилось, что ее легко распознать по пышным золотистым соцветиям и что она растет на очень немногих ковчегах. Если учебник не врал, в их число входил и Вавилон.

В конце концов Офелия выбралась к ограде ботанического сада, роскошной и затейливой, словно решетки восточных дворцов. И тут ей почудилось, что она попала из одного мира в другой. Широкий, как бульвар, мост соединял сад с необъятным рынком, где между навесами палаток текла, подобно бурной реке, шумная толпа. Девушка обвела ее взглядом, щурясь от яркого, уже высоко стоявшего солнца. Над этим муравейником, среди мужчин, женщин и роботов, возвышались слоны и жирафы, на которых никто не обращал внимания, словно так оно и полагалось.

Каким же убогим казался теперь девушке Праздник часов!

Едва Офелия ступила на мост, как у нее закружилась голова от пряных ароматов специй, а рука судорожно вцепилась в ремешок сумки: мост под ее ногами висел в пустоте. Согласно учебнику географии, Вавилон состоял из нескольких ковчегов – главного и нескольких спутников поменьше, – но это никак не подготовило девушку к развернувшемуся перед ней зрелищу. В небе, вернее, в море ослепительно белых облаков плавали воздушные острова. На самых крупных из них виднелись целые городки. На других едва хватало места для одного маленького домика. И все эти сооружения с их причудливой архитектурой так естественно сочетались с пышной растительностью, словно камень и зелень составляли единое целое. Центральный ковчег и его ближайшие мелкие спутники связывала сложная система мостов и акведуков; к более удаленным летели какие-то воздушные аппараты, незнакомые Офелии, – они походили на крылатые поезда.

Офелия храбро замешалась в гущу толпы. Ее тотчас оглушили крики торговцев; в глазах замелькали яркие ткани, украшения, бобы, чечевица, приправы, яйца, арбузы и дыни, манго, бананы и множество других фруктов, о которых она и понятия не имела; желудок слегка заныл, напоминая, что неплохо бы озаботиться и подкормить его.

– Вы не могли бы указать мне это место? – спрашивала она окружающих, протягивая им открытку.

Ее тоненький голосок терялся в общем гомоне, но тщетно девушка пыталась говорить громче: ответа не было, люди проходили мимо, глядя прямо перед собой, – казалось, они не желают иметь с ней дела.

Растерянная Офелия подошла к фонтану с водоемом, в котором стояли на длинных ногах розовые фламинго. Смочив платок, она вытерла вспотевшее лицо и отпила газировки из своей бутылки. Потом присела на бортик фонтана, поглаживая шарф, свернувшийся клубком на дне раскрытой сумки, и с интересом разглядывая рыночное сборище. Судя по многообразию цветов кожи и наречий, здешнее население состояло из множества самых разнородных Семей. И, однако, все они вели себя как один сплоченный народ, а с Офелией обходились как с непрошеной гостьей.

Девушка решила не задерживаться на площади. Сквозь толпу проходил патруль, состоявший из мужчин и женщин. Поверх туник стражники носили кирасы[3 - Кираса – латы, металлический панцирь на спину и грудь.], а на головах – шлемы

с назатыльниками, и доспехи придавали им весьма воинственный вид. Они бросали на людей если не враждебные, то довольно суровые взгляды; их зрачки отливали золотом. Этот неестественный блеск свидетельствовал об их семейном свойстве – всевидении: от глаз стражников не могла укрыться даже муха.

Офелия предпочла не обращаться к ним с вопросами: все близкое к власти вполне могло иметь отношение и к Богу. Она прошла через весь рынок и увидела трамвай на воздушной подушке, который уже готовился отойти. Его борта были оклеены рекламными афишами с изображением солнца и словами «Светлейшие Лорды». Вошедшие пассажиры прикладывали билеты к валидатору. Убедившись, что в трамвае нет контролера, Офелия поспешила войти в вагон, но не успела опомниться, как один из пассажиров встал с места и мягко вытеснил ее обратно на тротуар.

– Не сочтите за оскорбление, miss, – вежливо извинился он. – Но у вас нет билета, а значит, вы нарушили правила; я всего лишь выполнил свой гражданский долг.

– Послушайте, мне обязательно нужно попасть вот сюда! – воскликнула девушка, размахивая своей открыткой. – Не могли бы вы сказать мне, где…

Но тут автоматическая дверь закрылась, положив конец этому диалогу. Досада Офелии перешла в ужас, когда она почувствовала, что трамвай тащит ее за собой: ремешок сумки застрял в двери! Девушка изо всех сил дернула сумку к себе, но пошатнулась и упала; трамвай проволок ее по мостовой еще несколько метров, и она поневоле выпустила ремешок из рук.

– Нет! – в отчаянии прошептала Офелия, глядя вслед трамваю, увозившему за собой злополучную сумку.

Сумку, в которой остался ее шарф.

Таксвист

Офелия со всех ног бежала вдоль рельсов за ушедшим трамваем. Пот заливал ей глаза; руки, расцарапанные при падении, саднило, поврежденное ребро разболелось не на шутку, а легкие горели огнем. После моста и нескольких улиц трамвайные пути раздвоились. В какую же сторону свернул ее трамвай? Девушка озиралась в поисках указателя, но видела вокруг себя, в галдящей толпе, только горожан, омнибусы, коляски рикш, велосипеды, животных и роботов.

В этой всеобщей сумятице Офелия чувствовала себя безнадежно одинокой. Как ей теперь найти свой шарф? Как разыскать Торна? И как она могла так необдуманно пойти на эту авантюру, вообразив, что справится без посторонней помощи?! Ведь и тетушка Розелина, и Арчибальд, и Гаэль с Ренаром умоляли ее потерпеть, но Офелию гнало вперед нетерпение.

– Скажите, пожалуйста, – обратилась она к рикше, – как мне найти конечную остановку трамвая, идущего от рынка?

Но когда тот повернул к ней безликую голову, Офелия поняла, что разговаривает с роботом. Его пассажирка, дремавшая под навесом коляски, сонно ответила вместо него:

– Девушка, вам следует наводить справки у гида-постового.

– У какого… гида?

Пассажирка приоткрыла глаза, и ее нос, в котором поблескивало кольцо, внезапно вздрогнул, словно принюхивался к Офелии на расстоянии.

– Гиды-постовые стоят на всех перекрестках, они информируют людей. Я вижу, вы нездешняя, так позвольте дать вам совет: оденьтесь поприличнее.

Офелия удивленно смотрела вслед коляске. Ее скромное серое платьице было, конечно, не первой свежести, но все-таки… ведь не разгуливает же она голая! Оглядевшись, девушка увидела на перекрестке железную статую – высокого робота с восемью руками, которые указывали в разные стороны; видимо, это и был тот самый гид-постовой.

– Э?э-э… как мне найти трамвайное депо? – спросила у него Офелия.

Постовой молчал. Но тут девушка заметила в цоколе статуи, окруженной цветником, ручку – примерно такими, только поменьше, заводят музыкальные шкатулки. Раздвинув зелень, она взялась за ручку и несколько раз повернула ее.

– ЗАДАЙТЕ СВОЙ ВОПРОС! – громко произнесла статуя.

– Скажите, где находится конечная остановка трамваев, идущих от рынка?

– КОНЕЦ – ДЕЛУ ВЕНЕЦ!

– Ну, или бюро находок?

– ЧТО ИЩЕШЬ, ТО ВСЕГДА НАЙДЕШЬ!

– Или здание Двадцать второй Межсемейной выставки?

– МЕЖ СЛЕПЫХ И КРИВОЙ – КОРОЛЬ!

– Э?э-э… спасибо, конечно…

Офелия в полном разочаровании прислонилась к умолкнувшей статуе. Теперь при ней остались только часы Торна да старая почтовая открытка. Она лишилась и документов, и сменной одежды, и своего шарфа – ну как он, бедный, выживет один в этом непостижимом городе?!

«Что, если кто-нибудь найдет мою сумку, – подумала Офелия, яростно массируя веки. – Найдет и передаст ее жандармам Поллукса. Тогда, вполне возможно, Бог узнает о том, что на Вавилоне появился живой шарф».

И, значит, едва попав на Вавилон, она утратит все шансы на успех.

– Судя по вашей реакции, miss, попытка оказалась неудачной?

Девушка удивилась, услышав обращенный к ней человеческий голос. Она поправила очки и увидела перед собой мальчика-подростка, сидевшего в деревянном резном кресле под сенью прикрепленного к спинке большого солнечного зонта. Ослепительная белизна одежды подчеркивала бронзовый цвет его кожи. В этом юноше чувствовалось нечто странное – Офелия не могла определить, что именно. На самом деле он выглядел бы гораздо уместнее в светском салоне, нежели посреди улицы, в галдящей толпе. Но он не обращал на прохожих никакого внимания, его любопытство привлекла именно Офелия.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Синдикалист – член профсоюза, профсоюзный деятель. – Здесь и далее примеч. переводчика.

2

Вёдро (прост.) – теплая, ясная, сухая погода в летний период.

3

Кираса – латы, металлический панцирь на спину и грудь.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dabo_kristel/pamyat-vavilona

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить